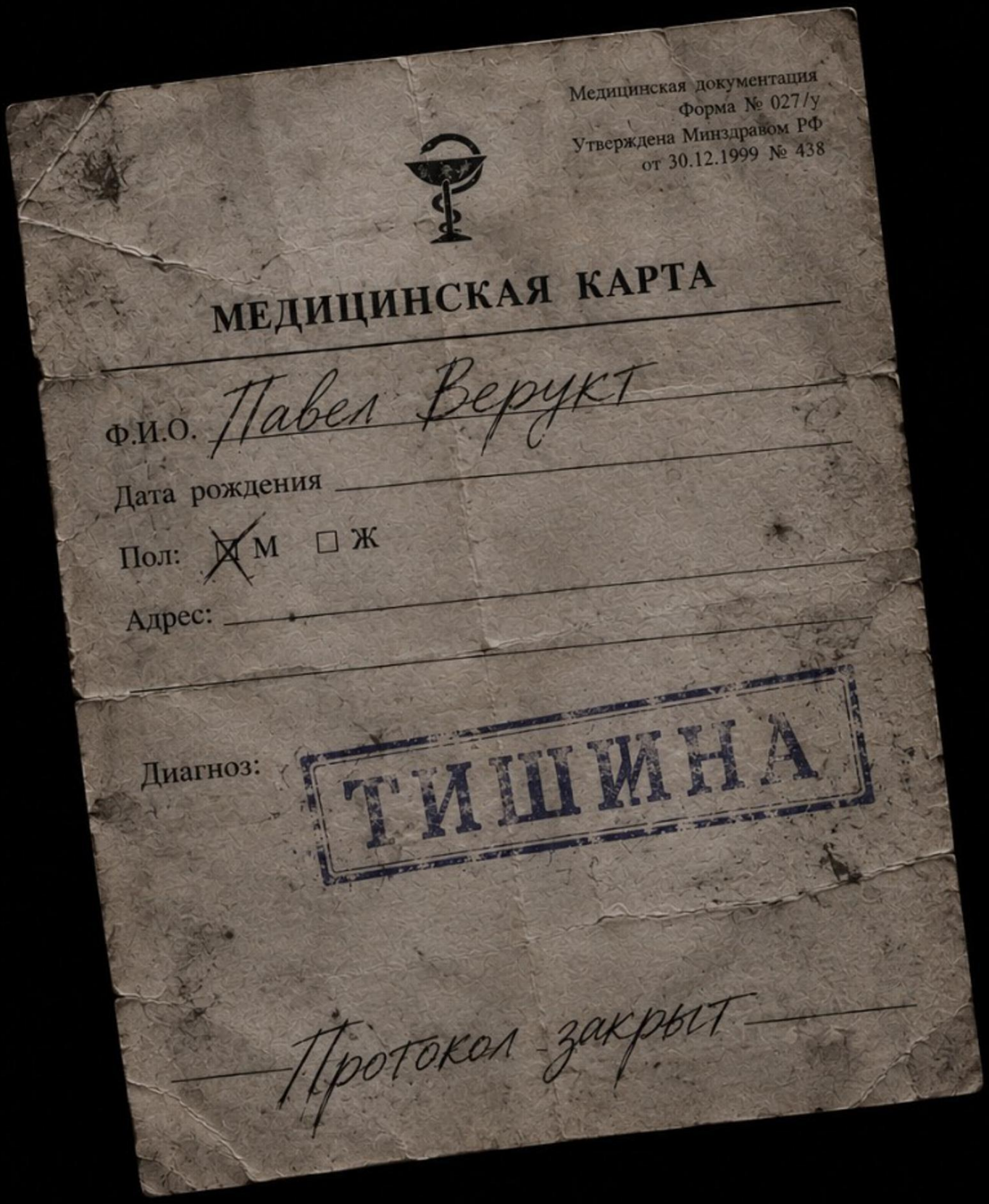
Лишённые совести

Твердохлебова
Варвара

18+

Варвара Твердохлебова

Лишённые совести

«Автор»
2026

Твердохлебова В. В.

Лишённые совести / В. В. Твердохлебова — «Автор», 2026

Совесть – не голос бога и не закон морали. Психотерапевт Павел Верукт знает, как её искоренить. Боль уходит. Остается сознание. Пациенты пустеют. Пациенты благодарят. История о том, что случается, когда человек побеждает в себе человека. И о тишине, которая наступает после победы. О том, как мы научились называть пустоту свободой, а симуляцию счастья – успехом.

© Твердохлебова В. В., 2026
© Автор, 2026

Варвара Твердохлебова
Лишённые совести

Лишённые совести

Часть 1

Глава 1

Вы когда-нибудь задумывались, почему мы плачем на свадьбах?

Свет приглушён. Звучит скрипка. Жених смотрит на невесту так, будто только что изобрел колесо. Она выходит вся в белом, похожая то ли на Папу Римского, то ли на участника индийских похорон — выбирайте метафору по вкусу. И вокруг начинается тихое всхлипывание. Сперва тётка с жемчугами во всю грудь, потом её сестра с не менее «эффектным» образом, потом дядя с пивным животом украдкой смахивает слезу — то ли от радости, то ли от лишнего стакана.

Почему? Счастья? Не думаю. Счастье – это тихий восторг, это чувство «всё на своем месте». Оно не вызывает слёз. Это социальный сигнал или иначе сказать ритуал: «Я вижу ваш союз. Я одобряю. Я разделяю вашу радость (или делаю вид)». Слёзы - биологическая маркировка, придающая сигналу вес.

Я сижу на свадьбах всё реже. Я наблюдаю. Игра мышц на лицах, фальшь в голосах тостов, кто на кого смотрит с похотью, кто с завистью. Осознание не вызывает у меня грусти. Мне даже не хочется улыбаться. Мне тихо. И в этой тишине я слышу всю симфонию человеческой неискренности.

Глава 2

Первый пациент. Ренат.

Он замер в дверях ровно настолько, чтобы оценить пространство, но не настолько, чтобы это выглядело как неуверенность. Рубашка застёгнута на все пуговицы, манжеты ровно на костяшках. Галстук чуть сбит набок — след внутреннего напряжения.

— Меня зовут Павел Верукт. Расскажите, зачем вы здесь.

— У меня биполярное расстройство. Наверное.

Он замолчал, наблюдая за моей реакцией. Я не дал никакой.

— Я читал. Мания: эйфория, риск, чувство всемогущества, бессонница, импульсивные траты. Депрессия: пустота, самобичевание. Всё сходится. Я подхожу под критерии. Почти…

— Почти?

Он улыбнулся одним уголком рта. Привычная улыбка человека, который привык быть самым умным в комнате.

— Я узнаю себя в любом описании. Пограничное. Нарциссическое. СДВГ. Я как зеркало, которое отражает любой диагноз, если его правильно поднести. Может, я просто придумываю?

Я ждал.

— Я игрок. В казино. В карты. Когда начинаю — не могу остановиться, пока не кончатся деньги или не наступит утро. В эти моменты я чувствую жизнь. Настоящую. Горячую. Как будто всё остальное время я под водой и только за столом выныриваю и делаю вдох. А потом пустота. Я лежу и считаю, сколько проиграл. Ненавижу себя. Обещаю больше никогда. А через неделю — снова.

Он посмотрел на меня.

— Я, наверное, придумал себе это, потому что так удобно. Если у меня болезнь, то я не просто безвольный идиот, который сливает деньги. Я человек с диагнозом. Это звучит уважительнее. Даже романтично. Безумный гений за карточным столом против тишины. А когда я не играю — я не знаю, кто я. А когда играю — тоже не знаю, но хотя бы не думаю об этом.

Он закончил предложение и сразу же улыбнулся. Как в начале. Я отложил ручку.

— Вы не биполярны. Я думаю у вас просто азартная зависимость с эмоциональной нестабильностью. Вам нужно красивое слово. «Лудомания» звучит как приговор. «Биполярное расстройство» - как судьба. С лудоманией красиво не живут. С ней проигрывают.

Он смотрел на меня не мигая.

— И что теперь?

— Теперь работаем с тем, что есть на самом деле.

Он долго молчал. Потом чуть расслабил пальцы.
Ужасно кого – то напоминал.

— Вы не даёте мне даже красиво страдать.

— Красивое страдание - это всё ещё страдание. Я предпочитаю некрасивое выздоровление.

У двери он обернулся:

— Я приду. Наверное.

— Я знаю.

Пометка: «Пациент № 47. Лудомания. Романтизация диагноза. Умён. Напуган. Хорошая комбинация для терапии».

Глава 3

Виктор. Адвокат. Невроз навязчивых состояний. Моет руки по двадцать раз в день и проверяет замок перед сном.

Он вошёл и сел на край кресла. Пальцы красные, воспалённые, кожа на костяшках шелушится. Будто он моет их с остервенением.

— Как прошла неделя?

— Нормально.

— Суд?

Он моргнул.

— Какой суд?

— Тот, на который вы опоздали в прошлый четверг.

Пауза. Он отвёл взгляд. Его жена звонила мне тайком, если выносить основные мысли нашего диалога, то получится что-то вроде: «Он проверяет замок по сорок минут. Клиент подал жалобу. Мы можем потерять всё». Я не говорю ему, что знаю. Это часть метода.

— Я не мог выйти из дома. Замок. Я проверял его. И ещё раз.

— Чего вы боялись?

Он поднял глаза.

— Что если не проверю — что-то случится. С женой. С дочерью. Что я оставлю дверь открытой и кто-то войдёт. Я не имею права.

Пальцы сжались в кулаки и тут же разжались, словно он испугался, что испачкает ладони о самого себя.

— Давайте посчитаем. Одно мытьё рук — сорок семь секунд. Двадцать раз — пятнадцать минут в день. Проверка замка — тридцать секунд, десять раз — пять минут. Итого двадцать минут в день. За десять лет — тысяча двести десять часов. Пятьдесят полных суток. Полтора месяца жизни впустую.

Он молчал.

— Я не могу не делать этого! Я чувствую, что случится беда!

— Ваша дочь. Сколько ей?

— Семь.

— Вы проверяете замок, чтобы защитить её. Но в четверг вы опоздали на суд. Если потеряете лицензию — что будет с ней?

Он открыл рот. Закрыл.

— Это другое, — прошептал он.

— Нет. Ваш ритуал должен защищать семью, а он её разрушает. Вы моете руки и не можете пожать руку партнёру. Защита стала угрозой.

Его пальцы дрожали.

— Что мне делать?

— Сегодня помоете руки не двадцать раз, а девятнадцать. Замок проверите девять раз. Не чтобы перестать. А посмотреть, изменится ли вероятность беды.

Он медленно кивнул.

Через неделю он вошёл быстрым шагом, сел в кресло полностью, откинувшись. Кожа на костяшках уже не красная.

— Получилось. Девятнадцать. Потом восемнадцать. Потом пятнадцать.

— Беда случилась?

Он усмехнулся.

— Нет.

— Продолжаем.

У двери он задержался:

— Я вчера впервые за год обнял дочь. Не думая о том, чистые ли у меня руки.

Глава 4

Моя популярность росла. Ко мне шли не за терапией, а за откровением. Я стал тем, кто называет вещи своими именами.

На закрытой лекции по психологии я произнёс главную речь:

— Коллеги, что такое боль? Это человеческая слабость перед самим собой. Мы учим пациентов «принимать» боль, «проживать» её. Это всё равно что учить человека с аппендицитом принять боль в животе и интегрировать её в жизненный опыт. Бред.

В зале повисла тишина.

— Возьмём совесть. Великое слово. На нём построены религии, мораль. А на деле это внутренний полицейский, которого посадили в вашу голову в раннем детстве, когда мозг был мягким, как пластилин. Его голос — голос вашей матери, отца, первого учителя. Его задача — не дать вам выбиться из стаи. Он не заботится о вашем счастье. Он заботится о порядке. «Ты должен. Как ты мог? А что люди скажут?» Этот полицейский круглосуточно орёт в рацию у вас в черепе. Я просто нашёл выключатель.

Пожилой психоаналитик поднял руку:

— А как же смысл? Страдание часто рождает смысл, творчество, глубину.

— Страдание не рождает смысл. Оно рождает потребность в смысле, чтобы оправдать собственное страдание. Здоровый разум находит смысл в семье, в росте, в решении задач. Ему не нужно страдать, чтобы чувствовать себя живым. Ему нужна ясность.

После лекции ко мне подошла молодая женщина, Татьяна:

— Я попробовала ваш метод. Один клиент страдал от вины перед умершей матерью. И да, он перестал страдать. Сказал, что освободился. Но когда он это говорил, глаза были совсем пустые. Как будто я вытащила из него не больной орган, а душу.

Она ждала моего одобрения или опровержения.

— Возможно, вы вынули занозу. Рана затянется. Заполнится новой тканью.

Вечером - ежегодный ужин с однокурсниками. Социальная обязательная программа. Но хорошее поле для наблюдений.

Сергей, главврач частной клиники, хвастался новой яхтой. Глаза блестели не от счастья, а от жажды признания. Ольга, юрист, язвительно комментировала отсутствующих, выплёскивая давнюю зависть. Игорь, заплывший чиновник, с тоской говорил о «простой жизни в деревне», которую никогда не выберет, потому что боится потерять статус.

Я сидел, пил вино и слушал.

«Посмотрите, какой я успешный» = «Подтвердите мою ценность».

«А помните, как мы тогда» = «Мне страшно перед будущим, давайте вернёмся в прошлое».

«Эта страна катится непонятно куда» = «Мне не хватает контроля».

Ольга заметила моё молчание:

— Паша, ты чего такой тихий?

Я улыбнулся самой тёплой, самой человечной улыбкой:

— Наслаждаюсь обществом. Редко выпадает шанс отвлечься от работы.

Они одобрительно закивали. Это всё, что от меня требовалось.

По дороге домой я анализировал вечер. Удовлетворения - ноль.

Ночь была тихой.

Слишком тихой.

Глава 5

Я проснулся от звонка. *«Ренат № 47».*

— Здравствуйте, Павел! Можете говорить?

По счастливой интонации я понял, что он до сих пор играет.

— Слушаю вас.

— Вы, наверное, не узнали! Это я — Ренат!

— Ренат-лудоман? — с насмешкой сказал я.

— Да, да! Только я уже не играю! Я к вам по другому вопросу. Моя новая подруга показалась мне неплохим вариантом, если вы понимаете о чем я. Я её направил к вам. Она записана сегодня на десять.

— Ближе к делу

.

— Небольшая просьба. Я не прошу разглашать её личную информацию. Врачебная тайна, все дела. Но если там какие-то явные заскоки — сообщите. Можете даже не звонить, просто после сеанса напишите: «да-да, нет-нет».

Вот он, наш человек. Давно я не видел такой четкости и искренности в просьбах людей. Он перестал играть в карты, но с играми не закончил... Он нашёл новую обсессию.

— Ренат, вы меня удивляете. Хорошо, я помогу. Но взамен запишитесь ко мне на сеанс.

— Отлично! До свидания!

Он бросил трубку.

Я заранее приехал в офис. Меня томило ожидание.

Она вошла и сразу заполнила кабинет. Не телом, а нервной, почти осязаемой энергией. Высокая, ухоженная, одета дорого и с тем вкусом, который кричал: «Посмотрите на меня, но сделайте вид, что не смотрите». Волосы уложены тщательно, однако она постоянно их поправляла. Села, закинула ногу на ногу. Пальцы тут же начали теребить край кашемирового рукава. Заметила, одёрнула руку. Через несколько секунд пальцы снова задвигались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.